

сохранность старшего варианта, то его постепенное изменение, в отдельных случаях приводящее к созданию типичной для поэтики пословицы обработки. Другая группа устных пословиц-изречений дает лишь смысловые аналогии к афоризмам Изборника, сложившиеся независимо от прямого воздействия литературы. Но каков бы ни был вывод из сопоставления, оно позволяет обнаружить уже в древнейшем литературном афористическом наследии те его элементы, в которых наиболее ощутимо проявляется связь прошлого с настоящим. Вместе с тем книжные афоризмы в той их части, которая выходила за рамки узко религиозных вопросов и требований классовой морали, углубляют наше представление и о «потребителе» этой афористической литературы — читателе и писателе древней Руси, подкреплявшем свои мысли авторитетом ее изречений. Мы узнаем, как глубоко с помощью этой литературы могли древнерусские «книжные» люди заглядывать во внутренний мир человека, как они оценивали взаимоотношения людей в их личном и общественном быту. И если создание в литературе человеческого характера, в котором отдельные черты были бы слиты в цельный образ, долго еще не будет под силу русской литературе, то примеры мастерского изображения отдельных свойств характера и поведения человека дидактическая литература и в ее составе афористический жанр дали уже с XI в.

Сравнительное изучение устных пословиц и сборников афоризмов, вошедших в русскую литературу в следующие века («Пчела», «Менандр», «Исихия и Варнава» и др.), позволит значительно расширить эти предварительные выводы, основанные лишь на материале Изборника Святослава 1076 г.
